

**Запись заключения, сделанного Хулианом Карроном
на международной встрече студентов из «Общения и освобождения»
Милан, 24 февраля 2018 г.**

После того, что мы услышали сегодня утром, из самого нашего опыта становится понятнее, перед какой альтернативой каждый из нас находится. Если выразаться словами одного из вас, все очень просто: можно «знать заранее» или быть «нищим», просящим подаяния. Мы уже говорили об этом в несколько иных терминах, когда сравнивали позицию Канта с поведением Безыменного из романа Мандзони «Обрученные». Мы наблюдаем в нашем опыте ту же самую альтернативу, которая пронизывает великий культурный спор. Проблема касается не только группы молодых людей, собравшихся где-то в Милане: нет, речь об узловом вопросе в грандиозной и повсеместной культурной полемике. Какую позицию Канта я имею в виду? Он соглашался, что без Евангелия мы никогда не открыли бы для себя, не постигли бы определенный способ мыслить о человеке и жизни, но, по его мнению, освоив его, мы в состоянии поддерживать его самостоятельно, силой нашего разума и нашей воли. Мы тоже можем думать о событии, покорившем нас и приведшем нас сюда: «Теперь нам все о нем известно, оно у нас под контролем». Однако, если взглянуть на проделанный нами путь, станет ясно: главный вызов – в том, чтобы воспитать в нас нищету, научиться признавать, что мы не в силах сами воспроизвести случившееся с нами, оно не из разряда «уже известных» и должно происходить сейчас, необходимо, чтобы оно было вновь даровано нам в настоящем. Без такой нищеты мы всё потеряем и станем спотыкаться шаг за шагом.

Как говорил один из вас, в начале каждого дня человек может предстоять перед жизненной бездной, разверстой во всех нас, с нищим и готовым сердцем или же игнорировать ее. Действительно, есть в нас такая бездна, такая глубокая нужда, о которой писал Гюстав Флобер в «Госпоже Бовари» и которая, обличая любую ложь, неизменно, даже после кажущихся побед, оставляет нам «зевок от скуки» (см. Г. Флобер. *Госпожа Бовари*. Ч. 3, 6. Пер. Н. Любимова). Когда же на бездну эту находится ответ, когда принимаешь ее всерьез, случается то, о чем мы пели: «Я буду спать с желанием проснуться».

Мы видим, что все зависит от нашей открытости, от нашей нищеты, от готовности позволить событиям провоцировать нас, начиная с бездны, разверстой в начале дня и вплоть до выборов, экзаменов, школы общины и жизни в Движении (вы сами их перечислили). Нам неизвестно, каким образом нам будет дано увидеть победу над «зевком от скуки», описанным Флобером, еще неизвестно. И это говорим мы, христиане. Подумайте, каково остальным! Каждый из нас должен бы сказать: «Я бродил впотьмах, подобно большинству людей, и вдруг произошло нечто, изменившее все». Но опять же, в определенный момент мы можем подумать, будто уже все знаем. Если же отталкиваться от фактов, позволять происходящему постоянно бросать нам вызов («...много в мире есть того, что вашей философии не снилось». – У. Шекспир. *Гамлет*. Акт I. Сцена 5. Пер. Б. Пастернака), то начинается дорога, путь, на котором мы не перестанем открывать для себя все более воодушевляющие горизонты.

Именно в нынешнюю эпоху рационализма, в нашем жидком обществе, где все лишено корней, где ни у кого нет твердой почвы под ногами, происходит то, о чем мы говорили сегодня утром: не в Средневековье, не когда мир был однороднее, нет. Засвидетельствованные вами события происходят в нашем с вами жидком обществе. И значит, нет у нас «недостатка ни в каком даровании» (ср. *1 Кор.* 1, 6–7), нужном нам на пути, если мы продолжаем следовать за замыслом Другого, продолжающего призывать нас через обстоятельства, через такую банальную, на первый взгляд, вещь, как обстоятельства. Тогда и сами мы начинаем изумляться происходящему и достигать уверенности, которая позволяет нам предстоять перед чем угодно,

в том числе и перед сомнениями, а ведь, казалось бы, они более всего остального угрожают уверенности, метят в самую ее сердцевину. Но даже они становятся возможностью, способом еще лучше узнать то, что побеждает любые сомнения и отвечает на любые вопросы.

Кто-то, глядя на себя и на других людей рядом с ним, подумает: «Да что же это такое, мы здесь, а сомнения растут?» Но как раз таки тот, у кого есть сомнения, может оказать тебе помощь, поскольку вынуждает тебя задаться вопросом: «А чем я отвечу на его сомнения?» Тебе не удастся ответить на них, просто прочитав лекцию о сомнениях или об уверенности – этого никогда не будет достаточно. Как Тайна отвечает на сомнения? Она позволяет происходить чему-то, что тебе соответствует, что тебя привлекает и делает уверенным. Если бы вдруг у тебя возникли сомнения в том, любит ли тебя твоя мама, то где следовало бы искать ответ? Только в твоём опыте. И потому ты был бы еще внимательней, чтобы увидеть, содержится ли в действиях мамы ответ на твой вопрос. На сомнения нельзя ответить теоретическими выкладками или разъяснениями, тут нужны факты. Необходимо обнаружить в реальности факты, отвечающие на сомнения. Так сомнения других людей и ваши собственные (порой они совпадают) заставляют вас быть еще внимательней к жизни общины и замечать вещи, которые вы прежде игнорировали. Иными словами, они побуждают вас к определенной работе. И неважно, если до этого вы не принимали в расчет те или иные факты. Проблема в том, чтобы, когда Господь дарует вам способность осознать их, когда Он окружает вас друзьями, помогающими лучше смотреть, вы были готовы принять, признать Его дар. Тогда вы скажете: «Как замечательно, что это произошло!» – и начнете отвечать на ваши сомнения.

Мы не ясновидящие, которые напрягают волю, чтобы увидеть положительное, ломают голову, чтобы разрешить сомнения, нет. В реальности происходят определенные события, и в них мы распознаем ответ на наши вопросы и сомнения. Не будь это так, мы стали бы подобны матерям, которые глядят на неуклюжие рисунки своих детей и говорят, что они прекрасны, лишь бы не отбить у последних охоту к творчеству! Так и мы, чтобы не пасть духом, можем в конце концов говорить вещи, не соответствующие действительности и не выдерживающие проверку в реальной жизни. Именно поэтому и сомнения, и вопросы являются частью нашего пути. Они не позволяют нам и дальше идти как по накатанным рельсам и говорить: «Все просто замечательно!» Когда у тебя возникает сомнение или вопрос, ты перестаешь двигаться на автопилоте и тебе приходится отвечать с помощью фактов, а иначе тебя бы тут уже не было. Счастье, что порой возникают вопросы, хорошо, что закрадываются сомнения, поскольку в такие моменты мы должны начинать говорить «я», больше нельзя соглашаться из сентиментальности, из благочестия, из набожности или говорить те или иные фразы только потому, что мы верующие.

Все это кружит голову и освобождает. Тайна, отвечая на наш вопрос, не вручает нам комплект неких истин, о которых однажды мы сможем сказать: «Они у нас уже есть, полный набор, мы его выучили на катехизации и теперь имеем на все готовый ответ». Нет. Тайна продолжает исполнять, передавать истину (мы говорили об этом на Дне начала года и продолжаем убеждаться в этом на школе общины, в работе над книгой «Зачем Церковь») посредством события, реалий, не сводимых к нашим проектам или к нашим способностям, посредством замысла, принадлежащего не нам. Если выражаться словами фон Бальтазара, которые я цитировал в лекции Дня начала года, это «непрестанное отдавание Себя Сыном Отцу ради спасения мира». Таков Божий замысел, постоянно подтверждающийся в Евангелии. Приведу один пример из множества. Когда Иисус спрашивает у учеников: «За кого вы Меня почитаете?» – Петр отвечает: «Ты Христос, Сын Божий». Иисус ликует, восхваляет Петра, как никогда и никого не восхвалял: «Блажен ты, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, а Отец Мой, Который в небе» (ср. *Мф.* 16, 15–17). Мгновение спустя Петр, думая, будто все уже знает, и услышав, как Иисус говорит им: «Пойдем в Иерусалим», – парирует: «Как

в Иерусалим?» Во имя уже известного Петр отправляет Иисуса на скамью подсудимых: «Невозможно! Это безумие!» А Иисус произносит в его адрес самые страшные слова, каких не обращал ни к кому другому: «Отойди от Меня, Сатана!» (ср. *Мф.* 16, 21–23). Не прошло и десяти минут! Во имя уже известного мы диктуем Тайне, какой ей быть и что делать».

Только соглашаясь следовать замыслу Другого, призывающего нас в различных обстоятельствах, мы начинаем по-настоящему получать ответы через события и сознавать, что Его замысел куда умнее всего, что, на наш взгляд, нам уже известно. Необходимо научиться ницете, позволяющей нам с готовностью следовать замыслу Другого, который мы еще не знаем и которому учимся только в следовании за ним. Именно с помощью этого замысла Он отвечает на все наш вопросы, разрешает все наши сомнения. В результате мы можем ясно увидеть, что меняется в нашей жизни. В этом мы убедились на примере нашей подруги, выступавшей ранее. Она уже готова была закрыть дверь, сдать перед трудностями, но Тайна вновь пробилась в ней брешь совершенно неожиданным и исполненным нежности способом: через дружбу, через предпочтение. Поразительно! Взглянув на дружбу с одним человеком, на предпочтение, которое Бог пробудил в ее сердце по отношению к другу (и на которое мы могли бы не обратить никакого внимания), она не остановилась на уже известном, а позволила призыву Тайны перевернуть ее. Так выявилось изменение: она уже не могла вернуться в город, где учится, и не относиться ко всему иначе. «Да», сказанное чему-то, что никто не мог бы предвидеть, знать заранее, что не попало на страницы газет или в официальную хронику, в чем она не признается даже самой себе, простое «да», произнесенное в глубине сердца, важно для нее самой и для мира. Кто был свидетелем «да» Богородицы? Никто! Но благодаря всему случившемуся после, благодаря невероятным и непредвиденным его последствиям, и мы с вами смогли приобщиться к нему. Без этого «да» нас бы здесь не было.

Все разворачивается в священном круге диалога между каждым из нас, между самыми сокровенными глубинами каждого из нас и Тайной, призывающей нас так, как ей угодно, неведомым нам способом. Принимая этот способ, человек начинает находить ответы на свои вопросы и сомнения, решения для жизненных ситуаций, он может предстать перед общиной и перед всем остальным. Христос не отвечает нам объяснениями. Нашей подруге Он не дал никаких определений. Христос продолжает делать то, что и всегда: призывать нас через происходящее во встрече с другими. Именно это рассеивает сомнения и снимает вопросы лучше, чем любые объяснения. Когда человек на опыте переживает ответ, для него проясняются те или иные моменты, открывается богатство истории, которой мы принадлежим, то есть Церкви. Один из отцов Церкви, Ориген, говорил, что «логика» христианства обладает большей силой в сравнении с греческой диалектикой, большей убедительностью в сравнении с любыми объяснениями (ср. Ориген. *Против Цельса*. Кн. 1, 2). «Что же убедительнее объяснения?» – спросим мы. После увиденного сегодня утром мы можем ответить: факты или, как говорит Ориген, цитируя святого Павла, «доказательство духа и силы», состоящее в исполнении пророчеств и совершении чудес. «Одно дело, – возражал Лессинг, – чудеса, кои мне довелось увидеть и исследовать лично, другое – чудеса, о которых у меня имеются лишь историографические сведения, данные мне другими людьми, утверждающими, будто они их видели и исследовали. <...> Если бы я жил в эпоху Христа... если бы ко всему прочему увидел, как совершаются чудеса... тогда... я, конечно же, достиг бы такого доверия, какое позволило бы мне охотно подчинить мой интеллект Его интеллекту и верить Ему во всем, чему не противоречил бы столь же несомненный опыт». Как же нам познать Иисуса, если мы не были свидетелями Его чудес?

Человек Нового времени, Лессинг добавлял: «Изведывай я и по сей день самое несомненное исполнение пророчеств касательно Христа или христианской религии... тогда, безусловно, ничто не воспрепятствовало бы мне согласиться с этим “доказательством духа и силы”, как его

определяет апостол» (G. E. Lessing. *Sul cosiddetto «argomento dello spirito e della forza» // La religione dell'umanità*. Roma–Bari: Laterza, 1991. P. 66). Человек, не видящий чудеса, не имеет той же возможности найти ответ, как тот, кто их видит. Лессинг прав: он признает, что Оригеново доказательство, относящееся к началу христианской истории, нужно и для Нового времени, и для нас. Отличие Оригена от Лессинга заключается в том, что Лессинг утверждает, будто не видит в настоящем факты. А по утверждению Оригена, лучшее доказательство христианской веры – не столько в чудесах, совершенных Иисусом, сколько в чудесах, продолжающих происходить среди тех, кто живет согласно Слову жизни. Ответ на наши вопросы, разрешение наших сомнений – в фактах, то есть в чуде изменения, которое мы видим собственными глазами в нас самих и в наших друзьях. И когда оно происходит в нас, другие тоже ощущают к нему интерес и изумляются тому, чем мы живем. Вот наш вклад в жизнь мира.

Один из вас вчера сказал, что порой, даже несмотря на прекраснейшие события, происходящие с ним, как будто чего-то не хватает и ему не удается постичь их до конца. В свете всего вышесказанного ответу: нехватка связана с тем, что во всех фактах, о которых мы говорим, имеется, если выразиться словами отца Джуссани, ускользающая точка (*ит. punto di fuga* – точка схода, кажущееся места пересечения параллельных линий при изображении в перспективе. – *Примеч. перев.*). Откровение не устраняет Тайну, а напротив, усугубляет ее. Ученики были в море всю ночь и ничего не поймали. Приходит Иисус и говорит им: «Забросьте сети по другую сторону лодки». – «Но мы трудились всю ночь и ничего не поймали!» Они как бы говорят: «Мы тут специалисты по рыбной ловле, но раз уж Ты просишь...» Они привыкли к существованию ускользающей точки, поскольку уже пережили с Ним достаточный опыт. Перед ними был Человек, не вписывавшийся в рамки «уже известного», Он был чем угодно, кроме «уже известного». «Если Ты так говоришь, мы попробуем». В результате, по завершении чудесного лова рыб, Петр опускается на колени и произносит: «Выйди от меня, ибо я человек грешный» (ср. *Лк. 5, 4–8*). Факт не устранил Тайну, более того, Петр предстал перед Тем, в Ком она становилась еще более очевидной: «Кто Сей Человек?» И сейчас, после всего, что мы видели сегодня утром, о чем вы свидетельствовали, я тоже спрашиваю: «Кто Сей Человек?» – спрашиваю перед лицом кого-то реального, на кого не могу наклеить ярлык со словами: «Теперь я все понял». Он превосходит меня по всем фронтам. Это признак того, что мы предстоим перед Другим, Которого не можем подогнать под готовый шаблон. Если бы мы ни в чем не испытывали недостатка, если бы завтра нам нечего было бы открыть для себя, то не стоило бы и просыпаться. Мы же поем: «Я буду спать с желанием проснуться», – чтобы продолжать поиски.

Только если человек постоянно становится свидетелем событий, о которых говорилось сегодня утром, он сможет найти ответ на самый серьезный вызов, описанный последним из выступавших. Действительно, мы можем видеть все, что видели сегодня утром, можем говорить о нищете, можем засыпать с желанием проснуться, можем просить, но все это рискует оказаться под вопросом, померкнуть перед мыслью о том, что «мы слишком хрупки». Существует искушение последней отговорки: «Я не в состоянии сказать „да“». Так мы оказываемся перед великим испытанием, которое не разрешается с помощью объяснений. Какой вызов бросает ученикам Иисус? Когда все уходит от Него и остаются лишь Двенадцать, Он не совершает новых чудес, чтобы убедить их, а еще больше настаивает на своем и спрашивает: «Не хотите ли и вы отойти?» (*Ин. 6, 67*). Иисус не заводит отвлеченных разговоров, а провоцирует учеников, затрагивая самые глубины их «я». Чего Он добивается Своим вопросом? Он вынуждает их взглянуть на искушение уйти, поддаться собственной хрупкости, ответить «нет». Такое решение должны принять ученики и каждый из нас. Своим вопросом Он не оставляет им путей к отступлению, поскольку, чтобы ответить на него, они должны обернуться назад, возвратиться к тому, что видели. Только посмотрев в лицо опыту,

они смогли сказать: «К кому нам идти?» (ср. *Ин.* 6, 68). Они остаются не слепо, не из сентиментальности, нет. Вопрос, заданный Иисусом, вопрос, возникающий и у нас, как мы убедились сегодня, играет решающую роль для полного веских причин присоединения к Иисусу, для того, чтобы сказать ему обоснованное «да». Никто здесь не хочет услышать от вас «да», для которого нет причин. А причины – это факты, посредством которых Тайна отвечает на наши вопросы.

Так мы понимаем, что проблема, как говорил отец Джуссани, заключается не в нашей способности выдавать результат. Когда люди сетовали: «Видно, что Джуссани любит Иисуса, а я так не могу», – он возражал: «Почему вы противопоставляете то, чего у вас якобы нет, тому, что как будто есть у меня? У меня есть только мое „да“ и ничего больше» (L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: BUR, 1999. P. 203–204). Мы в глубине души желаем, чтобы нас избавили от необходимости говорить «да», мы ждем, что настанет время, когда нам не придется говорить «да». Но так не бывает, это было бы бесчеловечно! Христос не хочет, чтобы кто-то находился здесь формально, Ему важна наша свобода. Об этом я сказал как-то раз одному таксисту, который возмущался человеческой свободой. «Неужели вы предпочли бы, чтобы ваша жена любила вас механически, лишь бы не изменяла? Или пусть лучше любит свободно?» Он ответил: «Я предпочел бы, чтобы она была свободной». Все возражения отпали. «Я был бы рад, если бы моя жена любила меня свободно». После этого мне достаточно было спросить только: «И вы думаете, у Бога хуже вкус, чем у вас? Он мог бы сотворить людей ударопрочными, без свободы, без сомнений. Что Ему стоило? Он создал небо, землю, птиц и рыб, создал бы и других тварей, отличных от человека. Но Бог решил сотворить человека, существо, которое любило бы Его свободно».

Нельзя устранить это пространство свободы, и потому каждый из нас призван говорить «да». Лишь по мере того, как увеличивается цепочка событий, подпитывающих уверенность в пламенной любви Христа к нам, мы в состоянии отвечать Ему согласием «заранее», как заметил один из вас, говорить «да» прежде, чем что-либо произойдет, – настолько мы уже уверены. Только если мы говорим «да», история, даже если еще не видно того, что должно произойти, покажет нам, каким образом Христос нам отвечает. Только те, кто соглашается ждать, увидят ответ.

Благодаря этому жизнь становится увлекательной, и тогда, взрослея, мы, как ни странно, не привязываемся все больше к «уже известному» и в нас все больше растет желание быть нищими. Чем лучше человек сознает, какие дела Христос совершает в его жизни, тем чаще с ним будет происходить то же, что и с Безыменным, который олицетворяет каждого из нас. У Безыменного хрупкости было хоть отбавляй, как и у каждого из нас. Но никакая хрупкость не оправдала бы его, если бы он не сдался перед столь потрясающей любовью, какая была дарована ему в объятии кардинала. Так, когда кардинал спрашивает: «Вы вернетесь, не правда ли?» – Безыменный мгновенно отвечает: «Вернусь ли я?.. Да если бы вы прогнали меня, я, как нищий, упорно стоял бы у ваших дверей» (А. Мандзони. *Обрученные*. Гл. 23). Вот зрелость веры – рождение нищего человека, который все упорнее и упорнее просит милостыню, ибо сознает, что лишь Присутствие, вошедшее в его жизнь, и все полученное от него, способно привести к желанной полноте, заполнить бездну, разверстую в каждом из нас.

Это путь лишь для смелых людей, если позволите мне так выразиться.